

МУЗЫКАНТЫ-ДУХОВИКИ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ ШАНХАЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ ДУХОВОЙ ШКОЛЫ

Ши Сюйцзэ¹

¹ Дальневосточный государственный институт искусств, Владивосток, 690091, Российская Федерация

Аннотация. На основе российских и китайских научных и мемуарных материалов исследуется педагогическая деятельность представителей русской эмигрантской общины Шанхая 1920–1940-х гг., работавших в Шанхайском симфоническом оркестре и Шанхайской консерватории. Статья актуальна ввиду значимости истории российско-китайских музыкальных связей в контексте наращивания сотрудничества между странами. Цель исследования – осмысление роли российской диаспоры Шанхая в подготовке первых поколений представителей китайской школы исполнительства на западных духовых инструментах. Представлены биографические сведения о русских профессорах-духовиках, работавших в Шанхайской консерватории в данный период; многие из них впервые включены в обиход российского музыковедения. Рассмотрены методы преподавания, репертуарная политика, связь с общими традициями русской школы. Прослежены творческие пути выдающихся студентов российских мастеров после завершения обучения. Продемонстрировано основополагающее значение их деятельности для развития национальной духовой культуры. На основе сопоставления путей укоренения русской духовой традиции в Китае, явившихся следствием деятельности музыкантов русских общин Шанхая и Харбина, делается вывод, что шанхайский вариант, характеризующийся более активным сотрудничеством с местными и западными сообществами и институциональной базой консерватории, оказался более эффективным для формирования китайской духовой школы. Подчеркнута необходимость дальнейшей архивной работы для расширения биографических сведений и углубления методологических выводов.

Ключевые слова: русская духовая школа, китайская духовая школа, русское музыкальное зарубежье, Шанхайская консерватория, Шанхайский симфонический оркестр

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ши Сюйцзэ. Музыканты-духовики русской диаспоры Шанхая и их влияние на формирование китайской духовой школы // Вестник музыкальной науки. 2026. Т. 14, № 2. С. 166–174. DOI: 10.63219/2308-1031-2026-2-166-174.

RUSSIAN WIND MUSICIANS OF THE SHANGHAI DIASPORA AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE CHINESE WIND SCHOOL

Shi Xuze¹

¹ Far Eastern State Institute of Arts, Vladivostok, 690091, Russian Federation

Abstract. Based on Russian and Chinese scholarly and memoir sources, this study examines the pedagogical activities of members of the Russian émigré community in Shanghai in the 1920s–1940s who worked in the Shanghai Symphony Orchestra and the Shanghai Conservatory. The article is timely because of the significance of the history of Russian-Chinese musical ties in the context of growing cooperation between the two countries. The

aim of the study is to reflect on the role of the Russian diaspora in Shanghai in training the first generations of performers of Western wind instruments in China. Biographical information is provided on Russian wind professors who taught at the Shanghai Conservatory during this period; many of these data are introduced into Russian musicology for the first time. Teaching methods, repertoire policy, and connections with the general traditions of the Russian school are examined. The creative careers of outstanding students of the Russian masters after completing their studies are traced. The fundamental importance of their activities for the development of the national wind-music culture is demonstrated. By comparing the pathways through which the Russian wind tradition took root in China as a result of the activities of Russian diaspora musicians in Shanghai and Harbin, the study concludes that the Shanghai model-characterized by more active cooperation with local and Western communities and by the institutional base of the conservatory-proved more effective for the formation of the Chinese wind school. The necessity of further archival work to expand biographical information and deepen methodological conclusions is emphasized.

Keywords: Russian wind school, Chinese wind school, Russian musical diaspora, Shanghai Conservatory of Music, Shanghai Symphony Orchestra

Conflict of interest. The author declares the absence of conflict of interests.

For citation: Shi Xuze (2026), "Russian wind musicians of the Shanghai diaspora and their influence on the formation of the Chinese wind school", *Journal of Musical Science*, vol. 14, no. 2, pp. 166–174. DOI: 10.63219/2308-1031-2026-2-166-174.

В условиях устойчивого развития все-сторонних связей между Россией и Китайской Народной Республикой изучение музыкально-просветительской работы русской эмиграции 1920–1940-х гг. в Китае приобретает особое значение. Контакты между русской диаспорой и китайским обществом не только способствовали формированию полноценной музыкальной культуры восточноазиатской ветви русского зарубежья, но сыграли ключевую роль во внедрении европейского искусства в национальную среду Китая.

Вклад «Русского Шанхая» в пропаганду музыкальной культуры и укоренение традиций российского искусства в Китае неоднократно становился предметом научных изысканий. Вместе с тем деятельность представителей русской духовой школы в этом городе изучена недостаточно.

Специальной работы, посвященной данным вопросам, нам не удалось найти ни в российской, ни в китайской научной литературе. Из изданных в России научных материалов, затрагивающих тему настоящего исследования, прежде всего следует отметить монографии Цзо Чжэньгуаня (2014), Ван Чжичэна (2008) и А.Хисамутдинова (2015). Сведения по соответствующей проблематике содержатся

также в диссертационных исследованиях Ван Пэй (2021), Чжоу Ицзюнь (2023), статьях С. Айзенштадта и Ши Сюйцзэ (2024), Г. Дивеевой (2014), Лю Сюэцина (2016), Чжан Шо (2023), Чжэн Динцянь (2025) и др. В то же время перечисленные труды имеют иную предметную фокусировку, чем настоящая работа, и направлены на изучение общих вопросов истории российской музыкальной эмиграции и развития китайского духового искусства.

Крупный корпус материалов, непосредственно касающихся деятельности русских музыкантов-духовиков Шанхая и их учеников, опубликован в КНР. До настоящего времени он не включался в обиход российского музыковедения. Это статьи Чэн Нань (2009), Ван Цзыци (2023), Юй Пэн (2020), Юань Юньцзя (2011), Чжан Мэн (2022), Чжан Течэн (2011), Цзэн Гуан (2015), Чжэн Фанъи (2018), Чжу Сюэминь (2010). Однако названные работы сосредоточены скорее на сборе фактов, чем на выводах и обобщениях.

Исключительная плодотворность контактов русской духовой школы с китайской культурой в Шанхае во многом обусловлена общим состоянием музыкальной культуры города. Начиная с середины XIX столетия, Шанхай – крупней-

ший портовый город страны, где влияние Запада традиционно было особенно сильным, стал главным центром внедрения европейского духового инструментария. В 1842 г. там был основан международный селтльмент – территория, находившаяся под европейским управлением. В 1876 г. создан духовой ансамбль, в 1881 получивший статус оркестра. Уже с середины XIX в. шанхайские музыканты-любители из стран Запада стали обучать местных жителей игре на европейских духовых (Юань Юньцзя, 2011, с. 23).

С начала 1920-х гг. все возрастающую роль в культурной жизни Шанхая стала играть русская община, резко увеличившаяся в связи с притоком беженцев после Революции 1917 г. В то же время, неформальной «столицей Русского Китая» все же оставался Харбин. Его община была значительно многочисленнее: количество «русских харбинцев» в 1930-е гг. превышало 100 тыс. человек; шанхайская диаспора составляла около 20 тыс. (Ван Чжичэн, 2008, с. 33).

В обоих главных центрах русской диаспоры музыкальная эмиграция сумела сохранить и приумножить отечественное наследие. Там действовали русские музыкальные школы, работали музыкальные общества, проводились концерты и т.д. Вместе с тем продвижение русской духовой школы принимало разные формы адаптации к иноязычной среде. В Шанхае 1920–1940-х гг. беженцы-духовики активно занимались преподаванием среди местного населения. В Харбине же духовая культура в ту пору была ориентирована прежде всего на саму эмиграцию; интенсивная педагогическая работа по подготовке китайских исполнителей приходится в основном на следующее десятилетие, когда начался распад русской общины¹. Харбинский вариант, таким образом, в большей степени способствовал сохранению традиций национальной

духовой культуры; шанхайский оказался более эффективен для передачи русских традиций китайским исполнителям.

Закономерно, что в Шанхае с его богатыми и давними традициями культурных связей Востока и Запада произошло важнейшее для судеб национальной музыки событие: в 1927 г. открылось первое в стране высшее музыкальное учебное заведение. Руководство Шанхайской консерватории (ШК) сразу же взяло курс на сотрудничество с российской музыкальной общиной, в которой было немало музыкантов высочайшей квалификации. На факультетах работали выдающиеся мастера: пианист Б. Захаров, вокалист В. Шушлин, виолончелист В. Шевцов, музыковед и композитор С. Аксаков. К этой плеяде принадлежали и те, кто был избран для обучения западным духовым инструментам. Ими стали русские артисты Шанхайского симфонического оркестра (ШСО).

Этот коллектив переживал тогда эпоху расцвета, завоевав репутацию лучшего оркестра Восточной Азии. В результате притока эмигрантов из России количество русских оркестрантов стало расти. В 1930-е гг. таковых в составе ШСО было больше половины (Цзо Чжэньгуань, 2014, с. 156).

Первым артистом ШСО, устроившимся на работу в ШК, стал Сергей Ильич Швайковский. В оркестре он исполнял партию первого гобоя. Музыкант преподавал в консерватории с 1927 по 1933 г. – до отъезда в Харбин, где занял пост главного дирижера местного симфонического оркестра (Цзо Чжэньгуань, 2014, с. 67). В апреле 1929 г. в консерваторию был приглашен еще один солист ШСО – флейтист А.С. Спиридонов, проработавший до 1936 г. Среди его учеников – видный деятель духового искусства Е Хуайдэ. Также у русского флейтиста занимались Ли Мулуни и Лао Цзинсянь (Чжу Сюэминь,

2010, с. 5–16). Если об учениках Швайковского и его роли в консерваторской жизни сведений найти не удалось, то о Спиридонове и его классе данные сохранились. 26 мая 1930 г. на первом в истории консерватории студенческом концерте Лао Цзинсянь представил флейтовую пьесу Э. Келера «Идиллия пастуха», ор. 58. 25 марта 1933 г. Е Хуайдэ совместно с учителем сыграл Concertante Ж. Данкла; партию фортепиано исполнила лучшая студентка Б. Захарова Ли Сянмин (Чжу Сюэминь, 2010, с. 13–14).

После отъезда Спиридонова на его место был взят итальянец Жирарделло. Он преподавал всего год и заметного следа не оставил. Следующий профессор флейты явился одной из наиболее видных фигур национального музыкального образования. Это А.Н. Печенюк. В Шанхай он приехал в 1918 г. и стал первым русским профессионалом-духовиком, поселившимся в городе. Начал с дирижирования оркестром Apollo Theatre – первого театрального коллектива, созданного русскими эмигрантами. В 1926 г. Печенюк устроился в ШСО, исполнял партию первой флейты (Ван Чжичэн, 2008, с. 208). В ШК он преподавал с 1937 г., воспитав Хань Чжунцзэ, Ли Сюэцюань, Ма Сыюнь – ключевых фигур национальной музыкальной культуры.

Примерно в те же годы профессором ШК стал другой ведущий артист ШСО – трубач В. Добровольский. В ШСО он работал с 1927 г. В числе его учеников те, кто заложил основы китайской школы игры на трубе: Ся Чжицю (Юй Пэн, 2020, с. 1), Чжу Цидун (Чжан Течэн, 2011, с. 1), Хуан Ицзюнь, Гэ Ин (Чжэн Фанъи, 2018, с. 3).

Хорошо помнят в Китае и профессора ШК Владимира Викторовича Сарычева. Исполняя партию гобоя в ШСО, он также выступал как дирижер симфонического оркестра Французского общества (Ван Чжичэн, 2008, с. 152). Время его устрой-

ства в консерваторию установить не удалось: известно лишь, что в 1937 г. он там уже работал (Ван Чжичэн, 2008, с. 212). Наряду с Печенюком и Добровольским Сарычева в КНР считают одним из основателей национальной духовой школы. Среди его воспитанников – Ван Дэмин, Чжан Дихэ, Ша Цзяньлинь, Ван Цисюн (Ван Чжичэн, 2008, с. 76).

Еще одним русским духовиком, работавшим в ШК, был кларнетист Антон Верник: его учеником стал знаменитый музыкант Цинь Пэнчжан (Цзэн Гуан, 2015, с. 89)².

Известные автору биографические данные о «дошанхайском» периоде жизни перечисленных российских профессоров фрагментарны; тем не менее они отражают общие черты их творческих путей. Все эти музыканты имели солидное профессиональное образование и значительный опыт работы оркестрантами. Сведений же об их педагогической практике найти не удалось – по всей вероятности, она была невелика.

С.И. Швайковский окончил Московскую консерваторию по классу гобоя В.Н. Денте, параллельно занимался как композитор у М.М. Иполлитова-Иванова и С.Н. Василенко. Работал в оркестре Московского оперного театра, как дирижер выступал в ряде городов юга России (Хисамутдинов А., 2015, с. 42). А.С. Спиридонов был выпускником Петербургской консерватории (Чжу Сюэминь, 2010, с. 5). Там же учился и В.В. Сарычев, 9 лет проработавший в Мариинском театре. После эмиграции он выступал в Японии, в 1926 г. уехал в Харбин и в 1927 г. обосновался в Шанхае (Хисамутдинов А., 2015, с. 40). А.Н. Печенюк окончил в 1910 г. музыкальное училище в г. Орле, работал в симфоническом оркестре Курска и оперном театре Житомира (Ван Чжичэн, 2008, с. 208).

Судя по отзывам современников, уровень исполнительского мастерства у них

был высоким. Известный джазовый артист В. Серебряков вспоминал о В. Добровольском: «Проиграв всю жизнь в оркестрах, я не встречал музыканта такого уровня... Это был настоящий профессионал, трубач высочайшего класса, отмеченный яркой артистической индивидуальностью» (Цзо Чжэньгуань, 2014, с. 59). Хань Чжунцзэ характеризовал своего учителя Печенюка как очень хорошего музыканта (Чжу Сюэминь, 2010, с. 22).

По свидетельству Хань Чжунцзэ, «наибольшим влиянием в музыкальном мире Шанхая пользовались два “национальных клана”: итальянский и русский; при этом “русский клан” пользовался большей популярностью» (Чжу Сюэминь, 2010, с. 45). Духовики-итальянцы «обращали особое внимание на строгость стиля, благородство тембра, контроль за положением ротовых мышц; русские, в соответствии с характером этого народа, отличались насыщенностью звука и бурной эмоциональностью исполнения» (Чжу Сюэминь, 2010, с. 46). Отметим, что представление о «русской манере» как воплощении страстных эмоций и звуковой мощи в целом чрезвычайно типично для Китая; внедрение этих качеств в китайское исполнительство считается здесь важной чертой русской школы³.

По словам Хань Чжунцзэ, «особой систематической методы у Печенюка не было. Я пытался подражать его замечательному звуку. Чтобы стимулировать меня в этом, профессор часто играл со мной дуэтом – это также улучшало и интонацию. Учитель поощрял меня в занятиях импровизацией, что расширяло творческие возможности. Учебных пособий было очень мало, в магазинах ноты были дорогими. Печенюк приносил на урок собственные. Это были, например, этюды Андерсена и Келера, концерты Моцарта» (Чжу Сюэминь, 2010, с. 45).

По всей вероятности, сходными были и преподавательские манеры других про-

фессоров-духовиков, работавших в консерватории. Не успев обзавестись «особой систематической методой», они компенсировали недостаток педагогических навыков богатым практическим опытом и неподдельной любовью к ученикам. Последнее качество неизменно подчеркивается в воспоминаниях последних. Вот лишь один из примеров. Ся Чжицю первоначально занимался на композиторском факультете. Хуан Цзы, его профессор по специальности, услышав любительскую игру ученика на трубе, порекомендовал заниматься на этом инструменте профессионально. У молодого человека не было денег, чтобы оплачивать уроки Добровольского. Однако тот, оценив талант юноши, взялся учить его бесплатно (Ван Цзыци, 2023, с. 14).

Русское начало в педагогике профессор-эмигрантов проявлялось и в репертуарной политике. Ноты этюдов Келера, которые Печенюк, приносил на уроки Хань Чжунцзэ, скорее всего были вывезены профессором из России. Эрнест Иосифович Келер, уроженец Италии, последние 35 лет жизни провел в Петербурге, где был солистом Мариинского театра и педагогом консерватории. В 1934 г. Е Хуайдэ совместно со Спиридоновым и Ли Сянмин исполнил на учебном концерте флейтовое переложение номера из балета Ц. Пуни «Дочь фараона» (Чжу Сюэминь, 2010, с. 13). Премьера балета состоялась в Мариинском театре, а автор переложения – Чезаре Чиарди, старший коллега Келера по Петербургской консерватории.

Молодая китайская духовая школа росла и укреплялась. Воспитанники русских профессоров начинали выходить на арену практической деятельности. Е Хуайдэ, в 1935 г. с отличием окончивший консерваторию, устроился преподавателем музыки в учебных заведениях Шанхая. В 1936 г. по рекомендации Добровольско-

го начал работу в ШСО Ся Чжицю. Первоначально он выступал в качестве стажера, а в 1938 г. стал первым из китайских трубачей постоянным членом прославленного коллектива (Ван Цзыци, 2023, с. 14). Хуан Ицзюнь, другой ученик Добровольского, трудился в оркестре шанхайской звукозаписывающей компании «Патэ». Там же работал и Хань Чжунцзэ (Чжу Сюэминь, 2010, с. 44).

В 1937 г. Шанхай, как и многие районы Китая, был занят японской армией. ШК продолжала работу, но приходила в упадок. Китайское правительство приняло решение создать новую консерваторию – на свободной от оккупации территории. Учебное заведение открыли в селении Цинмугуань вблизи Чунцина. Позже его младшие классы были перебазированы в Чанчжоу. Большинство русских профессоров-духовиков, связанных с ШСО, остались в Шанхае. Но учителя не оставляют своих воспитанников. А. Печенюк становится консультантом новой консерватории. В Чанчжоу у него учится Ли Сюецюань – в будущем один из ведущих флейтистов КНР (Чэн Нань, 2009, с. 2). Не забыл русский профессор и другого любимого ученика – Хань Чжунцзэ. Тот, не желая сотрудничать с оккупантами, в 1944 г. начал работать в консерватории Цинмугуань в качестве учителя пения и флейты. После Освобождения в 1947 г. это учебное заведение переведено в Нанкин. По рекомендации Печенюка Хань Чжунцзэ принят в ШСО (Чжу Сюэминь, 2010, с. 21).

Разворачивалась деятельность и других питомцев русской школы. Е Хуайдэ с 1941 г. приступил к работе в консерватории Цинмугуань. В 1942 г. в Чунцине для подготовки профессиональных военных музыкантов создана школа военной музыки с преподаванием кларнета, саксофона, флейты и трубы. Среди педагогов нового учреждения важная роль при-

надлежала Ся Чжицю. Чунцинская школа стала одним из важнейших центров духового искусства страны. Сам же Ся Чжицю перебрался в консерваторию Цинмугуань (Ван Цзыци, 2023, с. 20).

Тяжелейшие военные условия вынуждают музыкальную молодежь покидать страну. В 1939 г. В США уезжает Чжу Цидун. В Гонконге обосновалась Ма Сыюнь. Тогда же в США переселился Е Хуайдэ (Чжан Течэн, 2011, с. 2).

Коренные изменения в системе музыкального образования Китая после Революции 1949 г. привели к значительному расширению деятельности воспитанников шанхайских эмигрантов. Ван Дэмин и Ся Чжицю становятся профессорами нового вуза – Центральной консерватории, расположенной первоначально в Тяньцзине, а с 1958 г. переведенной в Пекин. В Шанхайской консерватории начали преподавать Хань Чжунцзэ и Цинь Пэнчжан. Возвращаются многие из тех, кто покинул Китай в годы войны. Среди них – Ма Сыюнь и Чжу Цидун, приступившие к работе в Центральной и Шанхайской консерваториях соответственно.

Ученики русских шанхайцев демонстрируют успехи и на мировой арене. Хань Чжунцзэ в 1951 г. и Ли Сюецюань в 1953 г. получают медали на конкурсах Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Оба они продолжили обучение у российских профессоров – теперь уже в Советском Союзе. Ли Сюецюань в 1954 г. стажировался в Московской консерватории в классе флейты Н.И. Платонова. Хань Чжунцзэ в 1961 г. окончил Ленинградскую консерваторию по дирижированию у И.А. Мусина.

В этот период заметно усиливается преподавательская деятельность русских духовиков и в Харбине. По инициативе Коммунистической партии был взят курс на основание новых духовых кол-

лективов и национальных учебных центров. Оставшиеся в Харбине эмигранты с энтузиазмом включились в работу и подготовили за эти годы множество китайских исполнителей. И все же подавляющее большинство тех, кому предстояло сыграть ведущую роль в крепнувшей китайской духовой школе, были воспитанниками шанхайских педагогов предыдущих десятилетий. По всей видимости, причина не в том, что духовики Харбина обладали меньшей квалификацией: среди них были выдающиеся мастера, как, например, гобоист А. Солин или флейтист А. Киров. Дело в художественной атмосфере Шанхая и в той комплексной подготовке музыкантов, которую давала консерватория.

В самой же шанхайской эмигрантской общине стали проявляться признаки распада. В 1947 г. в СССР уехал В. Добровольский (Чжэн Фанъи, 2018, с. 3). Вероятно, тогда же покинул страну и А. Печенюк. Те, кто остались, продолжали работу на благо китайской духовой культуры. Так, у В. Сарычева в 1953 г. занимались шанхайцы Ван Дэмин и Ша Цзяньлинь, а в 1954 г. из Пекина специально приезжал Чжан Дихэ. Выдающийся гобоист эмигрировал из КНР в 1960 г. в Австралию, где жил до кончины в 1968 г., работая в Государственном радиооркестре и давая частные уроки игры на гобое (Хисамудинов А., 2015, с. 42).

В последующие десятилетия воспитанники русских эмигрантов прочно заняли место среди важнейших деятелей духовой культуры Китая. Ма Сыюнь подготовила целый ряд выдающихся флейтистов, выдвинулась как композитор, обогативший национальный флейтовый репертуар. Проживая последние годы жизни в Гонконге, она оказывала заметное влияние на развитие флейтовой культуры КНР, курируя национальные учебные заведения и публикуя методические сборники.

Ли Сюецюань с успехом гастролировал в разных странах мира, в 1980-х гг. организовал и возглавил Пекинское общество флейтистов. Чжу Цидун, плодотворно преподавая в Шанхайской консерватории, опубликовал целый ряд статей и учебных пособий, заложивших основы китайской методики игры на трубе.

Огромный вклад в теорию игры на трубе внес Ся Чжицю. В 1990 г., стремясь решить проблемы с интонацией на трубе, он сконструировал «трубу с полным контролем настройки», получил на нее патент и был удостоен премии за научно-технический прогресс Министерства культуры КНР (Юй Пэн, 2020, с. 23).

Чжан Дихэ стал профессором гобоя Сианьской консерватории. Хань Чжунцзэ и Хуан Ицзюнь избрали карьеру дирижеров. Первый возглавил Центральный филармонический оркестр, второй стал руководителем и главным дирижером ШСО.

Подведем итоги. Вклад российских исполнителей на духовых инструментах из шанхайской диаспоры 1920–1940-х гг. сыграл решающую роль в формировании китайской национальной школы духового исполнения. Русские профессора-духовики Шанхайской консерватории передавали ученикам традиции российской школы, что выражалось в методике преподавания и репертуарной политике. На основе сравнения двух процессов укоренения русской духовой школы – харбинского с ориентацией прежде всего на эмигрантскую общину и шанхайского, с активным сотрудничеством с западными диаспорами и местной китайской средой, сделан вывод: шанхайские педагоги-эмигранты в большей мере способствовали становлению национальной духовой школы в Китае.

Настоящая статья ни в коей мере не исчерпывает тему исследования роли эмигрантской общины Шанхая в становлении китайской духовой школы. Одно

из важных направлений дальнейшей работы – изучение китайских и российских архивных источников, что позволит зна-

чительно расширить скудные биографические сведения о деятелях духовой культуры русского зарубежья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О роли харбинской эмиграции в становлении духовой культуры Китая см.: (Айзенштадт С., 2024).

² В первое десятилетие существования ШК также регистрировались студенты, обучавшиеся игре на тромбоне и валторне (Сяо Ян, 2021, с. 148). Подробная информация о них не сохранилась; возможно, в их числе были ранее упомянутые студенты, осваивавшие, помимо основных, другие духовые инструмен-

ты. Сведения о преподавателях ШК – тромбонистах и валторнистах – отсутствуют. Скорее всего ими были уже упомянутые русские духовики, преподававшие игру на нескольких инструментах. Сведений о изучении в ШК 1920–1940-х гг. других западных оркестровых духовых инструментов – фагота, тубы, саксофона и др. – нами не обнаружено.

³ См. об этом: (Айзенштадт С., 2015, с. 24–26).

ЛИТЕРАТУРА

Айзенштадт С.А. О роли русской фортепианной школы в процессе формирования пианистического искусства Китая и Японии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3. Ч. 1. С. 22–26.

Айзенштадт С.А., Ши Сюйцзэ. Роль духовиков Харбинского симфонического оркестра в становлении китайского исполнительства на духовых инструментах // Вестник музыкальной науки. 2024. № 4. С. 151–159.

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь, 2008. 576 с.

Хисамутдинов А.А. Русские музыканты в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. 44 с.

Цзо Чжэньгуань. Русские музыканты в Китае. СПб.: Композитор, 2014. 336 с.

王梓琦. 音乐家夏之秋研究. 浙江师范大学. 2023. 70. (Ван Цыци. Исследование музыканта Ся Чжицю: Дис. магистра. Чжэцзянский педагогический университет, 2023. 70 с.).

肖阳. 国立音乐院—国立音乐专科学校 (1927–1937) 十年办学成果回顾. 音乐艺术. 2021 (03). 137–151. (Сяо Ян. Обзор десятилетних результатов деятельности Национальной консерватории – Национальной музыкальной специализированной школы (1927–1937) // Музыкальное искусство. 2021. № 3. С. 137–151).

曾光. 探寻单簧管艺术在中国的传播与发展. 音乐时空. 2015(05). 89–95. (Цзэн Гуан. Изучение распространения и развития искусства кларнета в Китае // Музыкальное время и пространство. 2015. № 5. С. 89–95).

张萌. 记中国交响乐事业的开拓者韩中杰. 音乐生活. 2022(03).9–14. (Чжан Мэн. Хань Чжунцзе,

REFERENCES

Aizenstadt, S.A. (2015), "On the Role of the Russian Piano School in the Formation of Piano Art in China and Japan", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice], no. 3, pp. 22–26. (in Russ.)

Aizenstadt, S.A., Shi Xuze (2024), "The Role of the Harbin Symphony Orchestra's Wind Instruments in the Development of Chinese Wind Instrument Performance", *Journal of Musical Science*, no. 4, pp. 151–159. (in Russ.)

Chéng Nán (2009), *yī shēng cháng dí bǎi shì chuán, dà dì fēi gē lùn cháng duǎn* [A long flute whistle echoes through generations, songs fly across the land – discussions on merits and demerits], master's thesis, Xi'an Conservatory of Music, 22 p. (in Chin.)

Hisamutdinov, A.A. (1915), *Russkie muzykanty v Kitae* [Russian musicians in China], Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, Vladivostok, 44 p. (in Russ.)

Tszo Chen Guan (2014), *Russkie muzykanty v Kitae* [Russian Musicians in China], Kompozitor, Saint Petersburg, 336 p. (in Russ.)

Wang Zhicheng (2008), *Istoriya russkoi emigratsii v Shankhae* [The history of Russian emigration in Shanghai], Russkii put', Moscow, 576 p. (in Russ.)

Wáng Zǐ Qí (2023), *yīn yuè jiā xià zhī qiū yán jiū* [Research on musician Xia Zhiqiu], master's thesis, Zhejiang Normal University, 70 p. (in Chin.)

Xiào Yáng (2021), *Guóli Yīnyuè Yuàn - Guóli Yīnyuè Zhuānkē Xuéxiào (1927–1937) Shínián Bànhuá Chéngguǒ Huīgù* [A Review of the Ten-Year Achievements in Running the National Conservatory of Music-National Music College (1927–1937)], *yīn yuè shēng huó* [Music Art], no. 3, pp. 137–151. (in Chin.)

пионер симфонической культуры Китая // Музыкальная жизнь. 2022. № 3. С. 9–14).

张铁成. 朱起东小号艺术初探. 山东大学. 2011. 35. (Чжан Течэн. Предварительное изучение искусства трубача Чжу Цидуна: Дис. магистра. Шаньдунский университет, 2011. 35 с.).

朱学敏. 上海音乐学院长笛教育发展研究(1927–2007). 上海音乐学院. 2010. 54. (Чжу Сюэминь. Исследование развития образования по игре на флейте в Шанхайской консерватории (1927–2007): Дис. магистра. Шанхайская консерватория, 2010. 54 с.).

郑芳仪. 上海音乐学院小号教学的历史沿革及研究. 天津音乐学院. 2018. 19. (Чжэн Фанъи. Историческая эволюция и исследование преподавания игры на трубе в Шанхайской консерватории: Магистер. дис. Тяньцзиньская консерватория, 2018. 19 с.).

程楠. 一声长笛百世传, 大地飞歌论长短. 西安音乐学院. 2009. 22. (Чэн Нань. Длинный свист флейты передается через столетия, песни летят по земле – рассуждения о достоинствах и недостатках: Дис. магистра. Сианьская консерватория музыки, 2009. 22 с.).

袁韵佳. 二十世纪上半叶中国管弦乐队发展史略. 青岛大学. 2011. 62. (Юань Юньцзя. Краткая история развития китайских оркестров в первой половине XX века: Магистер. дис. Университет Циндао, 2011. 62 с.).

余鹏. 天风海雨追乐魂-论夏之秋及其对中国铜管乐的贡献. 西安音乐学院. 2020. 25. (Юй Пэн. О Ся Чжицю и его вкладе в китайскую духовую музыку: Дис. магистра. Сианьская консерватория музыки, 2020. 25 с.).

Yú Péng (2020), *tiān fēng hǎi yǔ zhuī yuè hún-lùn xià zhī qiū jí qí duì zhōng guó tóng guǎn yuè de gòng xiàn* [Wind and rain pursue the soul of music – on Xia Zhiqiu and his contribution to Chinese brass music], master's thesis, Xi'an Conservatory of Music, 25 p. (in Chin.)

Yuán Yùn Jiā (2011), *èr shí shì jì shàng bàn yè zhōng guó guǎn xián yuè duì fā zhǎn shǐ lüè* [A brief history of the development of Chinese orchestras in the first half of the 20th century], Master's thesis, Qingdao University, 62 p. (in Chin.)

Zhāng Méng (2022), *jì zhōng guó jiǎo xiǎng yuè shì yè de kāi tuò zhě hán zhōng jié* [About Han Zhongjie, a pioneer of China's symphonic cause], *yīn yuè shēng huó* [Music Life], no. 3. pp. 9–14. (in Chin.)

Zhāng Tiě Chéng (2011), *zhū qǐ dòng xiǎo hào yì shù chū tàn* [Preliminary study on Zhu Qidong's trumpet art], master's thesis, Shandong University, 35 p. (in Chin.)

Zhèng Fāng Yì (2018), *shàng hǎi yīn yuè xué yuàn xiǎo hào jiào xué de lì shǐ yán gé jí yán jiū* [Historical evolution and research on trumpet teaching at Shanghai Conservatory of Music], master's thesis, Tianjin Conservatory of Music, 19 p. (in Chin.)

Zēng Guāng (2015), *tàn xún dǎn huáng guǎn yì shù zài zhōng guó de chuán bō hé fā zhǎn* [Exploring the spread and development of clarinet art in China], *yīn yuè shí kōng* [Music Time and Space], no. 5. pp. 89–95. (in Chin.)

Zhū Xué Mǐn (2010), *shàng hǎi yīn yuè xué yuàn cháng dí jiào yù fā zhǎn yán jiū (1927–2007)* [Research on the development of flute education in Shanghai Conservatory of Music (1927–2007)], master's thesis, Shanghai Conservatory of Music, 54 p. (in Chin.)

Сведения об авторе

Ши Сюйцзэ, аспирант Дальневосточного государственного института искусств (Владивосток) (научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор С.А. Айзенштадт)
E-mail: sxz12580@qq.com

Author Information

Shi Xuze, postgraduate at the Far Eastern State Institute of Arts (Vladivostok) (scientific supervisor – D. Sc. (Art Criticism), Professor S.A. Aizenshtadt)
E-mail: sxz12580@qq.com

Поступила в редакцию 30.01.2026

После доработки 22.05.2026

Принята к публикации 26.05.2026

Received 30.01.2026

Revised 22.05.2026

Accepted for publication 26.05.2026